

Дмитрий КАВРУК

докторант Института Философии, Социологии и Права АН РМ

О МЕСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ НАУК

Kavruk D. About the Place of the Humanitarian Knowledge in the System of Sciences.

In the given paper the author proposes an approach towards defining the specificity of Humanitarian sciences. The sphere of Humanitarian sciences is studied in a series of different contexts: scientific classification, models and binary opposition "explanation - interpretation".

The author is making an attempt to retrace the history of existing approaches towards Humanitarian sciences as a holistic phenomenon. Proceeding from the analysis of the most authoritative researches and ideas in the Sociology and Philosophy of Science, the author proposes a new foreshortening of the problems given. The notion of "two-" and "three-dimensional" sciences is introduced. In conclusion the author of the study suggests his personal vision on prognosis of development of Humanitarian's methodological approaches.

*На самом деле гуманитарные науки имеют очень большую специфику,
но ее очень трудно уловить.
М. Фуко, «Слова и вещи»*

Кризис гуманитарных наук

В рамках философии, истории и социологии науки кризис гуманитарных наук давно стал популярной и полемически заостренной темой. «Гуманитарный кризис конца XIX века, кризис 20-х годов, кризис середины 60-х, начала 70-х, перманентный кризис»... Множество ученых настаивало и будет настаивать на наличии кризиса в лингвистике, социологии, истории – вообще во всех гуманитарных отраслях знания.

Последняя четверть двадцатого века ознаменована новым течением в научной

мысли, которое родилось из философии постмодернизма. Придя в науку, постмодернисты не только стали отрицать «наукообразие» гуманитарной сферы, но саму ее научность. Мало того, приверженцы нового течения не считают необходимым преодолевать декларируемую антинаучность.

Для того чтобы нащупать специфику гуманитарного знания, а значит, и суть проблемы его кризиса, попробуем обратиться к классификациям наук.

Классификации наук

Большая Советская Энциклопедия предлагает следующую классификацию: «Система науки условно делится на естественные, общественные, гуманитарные и технические науки» (БСЭ). Из определения мы узнаем, что деление в некоторой степени условно (кстати, в этой схеме обособлены технические науки. Между тем, есть мнение, согласно которому научные исследования и про-

блемы – это те, результат которых неизвестен заранее, в отличие от технических проблем, где получение заранее известного результата – лишь вопрос времени).

В. И. Смирнов разработал четырехчленную классификацию (Смирнов 1988: 26). Первой является группа «точных наук», куда входят математика, механика, астрономия. В группу собственно естественных наук он

включает физику, химию и биологию, причем, по его мнению, наблюдается тенденция к превращению их в точные науки. Больше всех преуспела в этом физика. К третьей группе он относит общественные науки (которые он характеризует как науки «с тенденцией превращения в точные») – экономические науки, демографию, эмпирическую социологию. И, наконец, гуманитарные науки – логика, языкознание, науки о культуре и т.д. В этих науках «отмечается значительное продвижение в выработке стандартных, строгих методов исследования».

Известна трехчленная схема наук: естественные – общественные – гуманитарные. Осборн и Роуз пишут, что граница между гуманитарными и социальными науками сама по себе удивительна (Osborne, Rose 1999: 369). Искусственное разграничение скорее вызвано не столько разными исследовательскими полями, сколько принадлежностью к той или иной научной школе, во всем же остальном эти сферы идентичны.

Виндельбанд и Риккерт разделяли науки о духе (или о культуре) и науки о природе. Различие наук заключается в отличии методов, которые к ним возможно применить. Идеографический метод соотносится с наукой о духе (Geisteswissenschaft). Другой метод, номотетический, говорит на языке общих законов и принадлежит к сфере наук о природе. Однако номотетический метод можно применять и к человеку, превращая его в эмпирический объект (Риккерт 1995: 74).

М. Фуко демонстрирует собственную классификацию, проводя грань между «точными и гуманитарными» науками с помощью понятия *дискурс*. Это может быть текст или высказывание, но также – и скорее – тип или серия текстов и высказываний, функционирующих в одной и той же системе отношений. Гуманитарные науки, такие, как литературоведение, история, философия и другие, изучают эти реальные физические объекты – авторов и тексты –

и отношения между ними. Вся суть в том, что гуманитарные науки сами создают дискурс (Сокулер 1988: 173-175).

Некоторые классификации некорректны – например, объемы понятий сфер наук, предложенных в БСЭ, пересекаются (туда же можно было бы добавить сферу «науки о животных» без опасения разрушить логическую стройность). Другие – логически точны. Однако классификация может быть полезной только тогда, когда служит определенной цели. Раскрывают ли они специфику «гуманитарного», «точного» и т.д. знания?

Как мы видим, в основу классификаций заложены разные критерии деления: «точность», объект исследования, метод исследования. У неокантианцев Виндельбанд и Риккерта основанием для деления послужил метод. Что касается методологии, то проблема использования тех или иных методов в гуманитарных науках имеет такую же долгую историю, как и вопрос о кризисе гуманитарных наук. Если бы все исследователи разделяли эту точку зрения, то, возможно, решить «проклятый» вопрос о кризисе было бы значительно легче. Но ведь еще есть позитивисты, ратующие за использование методик естественных наук в гуманитарной сфере, другие – вообще против метода: по их мнению, культуру можно понять только из аналогий, которые порождает она сама. Дискурс Фуко тоже не утвердился в качестве золотого сечения между сферами познания.

Как мы видим, научное сообщество не пришло к консенсусу в классифицировании наук, следовательно, к тому, что составляет специфику гуманитарного знания. По-видимому, деление научного знания на отрасли не позволяет перейти на более высокий уровень полемики относительно сущности гуманитарного знания. Поэтому обозначенную проблему невозможно решать без применения других моделей, позволяющих производить сравнительный анализ гуманитарного знания и других его видов.

Парадигмальный подход

Динамическая «модель парадигм», предложенная Томасом Куном, внесла неограниченный вклад в раскрытие механизмов развития научного знания (Кун 1975). Он показывает, что история науки не была линейным процессом накопления знаний, скорее это чередование периодов «нормальной науки» и отрицающей ее «революционной науки». При этом появление новой системы знаний (парадигмы) носит взрывной характер.

Термин «парадигма» означает совокупность логически взаимосвязанных понятий, суждений, проблем и аналитических подходов, лежащих в основе теории. В качестве синонима слова «парадигма» используются и такие понятия, как «дисциплинарная матрица» (Кун), «исследовательская программа» (Лакатос) (<http://www.5ka.ru/90/20716/1.html>), «общие теоретические ориентации» (Мертон) (<http://>

socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/uchebnik/intro.htm).

Первоначально парадигма в состоянии объяснить все явления, которые она описывает (1 – стадия «нормальной науки»). Далее начинают накапливаться необъяснимые в контексте этой парадигмы факты и явления (2). Противоречивость между парадигмой и частью бытия, ею описываемой, заставляет некоторых ученых («революционеров») подвергнуть сомнению «истинность» этой «прохудившейся» парадигмы. «Взрывом» становится осознание необъяснимости этих фактов и явлений в рамках парадигмы «революционерами» и открытие ими законов, которые объясняют эти явления. «Революционеры» и их открытия, опровергающие еще действующую парадигму, неизбежно оказываются в состоянии конфликта с абсолютным большинством «консерваторов». Создается ситуация научной революции. Постепенно, благодаря очевидности новых законов, количество «революционеров» увеличивается. В итоге уже старая парадигма уходит в небытие, и ее заменяет новая (3).

Некоторые параллели идеям Куна можно найти в истории науки. Например, Ю.М. Лотман характеризовал подобной моделью процесс творчества, создания новых образцов культуры. «Открытия имеют характер взрывов – они не вытекают из прошлого, и последствия их нельзя однозначно предсказать» (Лотман 1992: 99). Любое открытие, всякий культурный акт – явление однократное, жестко связанное с уникальными личностями и уникальными ситуациями.

Именно после основной работы Куна «Структуры научных революций» понятие «парадигма» стало неотъемлемым понятием в науке. Однако Кун говорил обо всех науках, не разделяя парадигмы на естественные и гуманитарные.

Между тем, некоторые исследователи полагают, что схема, предложенная Куном, подходит только к естественным наукам. И что именно эта модель, несмотря на то, что ее автор этого не заметил, позволяет корректно описать кризис гуманитарных наук.

Роберт Мертон первым увидел резкую несовместимость всего гуманитарного с парадигмальной моделью. Согласно ей, каждая новая теоретическая гуманитарная концеп-

ция, претендует на универсальность. Такие науки, как лингвистика, семиотика и ряд других интеллектуальных течений настаивали на надгуманитарной методологической и терминологической экстраполяции, на преподнесение себя как инструмента для всех остальных гуманитарных наук. На наднаучности семиотики как методологической метаструктуры настаивал Ч. Моррис, один из ее основоположников. Эта идея поддерживалась русским семиотическим кружком – литературоведами и философами А.М. Пятигорским, А.К. Жолковским, Ю.К. Щегловым, математиком Л.А. Калужниным и физиологом Л.А. Чистович (Буровский 1988). На наднаучном положении лингвистики настаивал Ельмслев.

Фуко называл свои работы «Археология знания», «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», «Рождение клиники: археология взгляда медика».

Каждое из направлений, отвергает предыдущие, которые, в свою очередь, опровергали друг друга. Поскольку истина в таких случаях подразумевается как возможная лишь в единственном экземпляре, то все прочие концепции либо прямо объявляются ошибочным заблуждением, либо рассматриваются как движение на пути к наконец-то появившейся новой универсальной теории.

Однако в реальности ни одна концепция не разделялась и не разделяется всеми учеными хотя бы в коротком промежутке времени. Самые удачные попытки построить вместо многих теорий лишь одну, но истинную, всегда приводили к тому, что и в ней ученые обнаруживали пробелы, натяжки, преувеличения. Поэтому ей на смену приходила очередная новая теория, отрицавшая предыдущую, а вместе с ней и большую часть традиций науки. Некоторые гуманитарные исследователи вообще говорят о моде в науке, которой свойственны все процессы современной моды в одежде: мода на теорию авторитетного ученого овладевает умами научного сообщества, потом приходит мода на интеллектуальные усилия другого колосса, которая вытесняет первого. Однако, через некоторое время (года, десятилетия) ...возвращается успех первого «гуманитарного законодателя мод»!

«Сформированные науки» и «наука в процессе создания»

Немного с других позиций, в другой терминологической системе, но к схожим выводам пришли такие исследователи, как Хакинг и Башляр (Osborne, Rose 1998: 367).

С их точки зрения, отличительные черты науки несводимы единственно к проблеме наличия точности, теории познания или методологии, они проявляются также в мате-

риальных и технических факторах, способных породить новый феномен, новое открытие. Парадигма «научности» традиционна для типа мышления, свойственного лабораторным наукам. Экспериментальные науки парадигматичны, что Рэндалл Коллинз назвал в своей работе «высокой консенсусностью наук, в рамках которых открытия совершаются быстро» (Collins 1994). Для Коллинза отличительными особенностями наук, способных создавать феномены, являются: 1) высокий уровень консенсуса, или несомненность знания, и 2) быстрое получение новых результатов. На основе того, что Коллинз, следуя за работой Бруно Латура, называет «сформированные науки» (Collins 1994: 158), такие науки формируют фронт быстро развивающихся исследований – который Латур обозначил как «наука в процессе создания», где сконцентрирована основная полемика. Для Коллинза эти два качества взаимосвязаны: высокий внутренний консенсус делает возможным существование наук, в рамках которых быстро совершаются открытия. Это так, потому что есть такой уровень взаимопонимания относительно того, как понимать результаты и открытия «сформированной науки», что исследователи могут сосредоточиться на уровне «науки в процессе создания», на передовой спорных областей исследования. По сути дела, этот процесс усиливает консенсус и чувство объективности того, что было открыто. Консенсус – свойство естественных наук.

Следующая характеристика высококонсенсусных наук, в рамках которых открытия совершаются быстро, это – для Коллинза – их (4) прикладной характер. Он полагает, что обычно происходит экспорт результатов лабораторных исследований в ненаучный мир (там же: 170).

Защитники этой точки зрения полагают, что «так называемые общественные науки» не нуждаются в таких критериях: они не создают феномены. Гуманитарные науки (если они вообще могут быть названы науками) не имеют исследовательского поля быстрых открытий, оставляющих после

себя когнитивное согласие. Напротив, их проблемы и решения, похоже, носят циклический и тяготеющий к ретроспекции характер. Например, они характеризуются повторяющимися время от времени теориями и открытием заново классики, что было бы немислимым для быстро совершающих открытие дисциплин, поиск в которых постоянно движется вперед. Социальные науки, таким образом, похоже, следуют образцам интеллектуальной жизни Европы, включающей в себя наследие многих столетий, в том числе то, что было в естественных науках до революции появления быстро совершающихся открытий: состояние цикличности, так же как и прогресс, – это норма и несоответствие, которое можно проследить на всех уровнях. Таким образом, социальные науки не позволяют совершать быстрых открытий, не позволяют достичь согласия по ключевым вопросам и не производят технологии с той преемственностью, которой характеризуется, например, электронный микроскоп или жесткий диск. Более того, как полагает Коллинз, их прикладные способности тоже очень низкие. В итоге они не были способны достичь создания нового феномена (Hacking 1983: 249).

Математические и статистические методики и другие инновации, касающиеся распространения техник достижения точности и возможности подсчитать не облегчили ситуацию. Коллинз пессимистичен. Возможно, он говорит, только некоторые инновации области микросоциологии взаимодействия и развитие искусственного интеллекта могут продлить дни гуманитариев.

Конвертируя терминологию Коллинза и Хакинга – Башляра в парадигмальную модель Куна, мы увидим идентичность выводов этих исследователей с выводами Мертона: гуманитарной парадигмы не существует.

Если к вышесказанному еще добавить, что теорий, претендующих на универсальность, «парадигмальность», в гуманитарной сфере неизмеримо больше, чем в естественных науках, то легко понять, откуда берется этот гуманитарный хаос.

Идея междисциплинарности знания

Но не все пытаются найти парадигму. Одни исследователи утверждают, что найти ее в принципе невозможно. Другие вообще настаивают на ненужности общей системы знаний, декларируя теоретический плюрализм.

Некоторыми авторами утверждается, что происходит:

- широкая взаимная интеграция наук, вплоть до стирания границ между ними;
- вторжение в «нетрадиционные» для науки сферы;
- формирование областей исследования не по отраслям, а по проблемам.

Идеи синтеза наук развивал еще В.И. Вернадский. Он обратил внимание на междисциплинарные, межотраслевые области знания и обозначил наблюдаемое явление как промежуточную фазу в развитии наук; следующая фаза должна была характеризоваться отсутствием деления знаний и исследований по наукам, образованием одной общей науки. Эту науку будущего он назвал ноосферологией (Буровский 1998).

Призыв не пытаться искать качественные отличия между «гуманитарным» и «естественным» содержится и в работах других ученых, например, у того же Смирнова.

Однако сейчас, спустя десятилетия, можно констатировать: междисциплинарные исследования не привели к стиранию границ между всеми науками. Мало того, естественники и гуманитарии совершенно разучились диалогам.

Сами же междисциплинарные исследования по своей природе далеко не однородны и находятся на разных стадиях «успешности». Практические междисциплинарные исследования весьма успешны и востребованы. Например, в хороших археологических экспедициях уже традиционно находятся палеоботаники, археозоологи; кальцинированные кости отправляются на химическую экспертизу. Подобного рода междисциплинарные исследования, совместно разрабатывающие проблему, привычно успешны. В разработке многих проблем во многих науках говорить о профессионализме без подобных исследований не приходится.

В свою очередь, междисциплинарные исследования, решающие наряду с конкретными задачами теоретические, можно разделить на междисциплинарные в рамках только естественных или только гуманитарных наук, и исследования, выходящие за рамки только естественных или только гуманитарных наук. Усиливающийся процесс формирования областей исследования не «по наукам», а «по отраслям» резко стимулировал практические междисциплинарные исследования в рамках только гуманитарных или естественных наук. Они реализуются достаточно успешно, все чаще и больше.

Что касается стирания границ между науками, то такой процесс определенно наблюдается. Уже в 20-х годах прошлого века один из классиков современной лингвистики, Э. Сепир, поставил вопрос о синтезе и о стирании четких граней между лингвистикой, философией, культурологией, историей, этнографией. Но в этот ряд ни в коем случае нельзя ставить, например, физику. То же самое можно сказать и о естественных науках.

Из всего вышеизложенного можно сделать определенные выводы:

- науки следует разделять на естественные и гуманитарные, потому что между ними существует реальная пропасть, подтверждаемая характером современных исследований;
- внутри кластеров «естественные» и «гуманитарные» науки действительно стираются границы. Появились две «ноосферологии».

Объяснение и интерпретация

Выше специфика гуманитарного знания была очерчена «сверху», с точки зрения соотношения с другими отраслями знания и познания. Ниже я попытаюсь осветить свой взгляд «снизу», изнутри.

Уже упоминалась неокантианская школа (во главе с Риккертом и Виндельбантом), которая разрабатывала эту проблему познания. Человека возможно познавать с помощью идеографического (собственно «человеческого» метода) и номотетического (метода из естествознания).

Есть точка зрения, по которой познать человеческую природу с помощью естественных (номотетических) методов невозможно; познание возможно путем построения аналогий из среды существования человека – из культуры. Например, аналогия жизни с театром. Тогда социальная жизнь

– драматическая метафора, ее процесс – театральная сцена, роли и статусы индивида – театральная роль. Употребляются такие понятия, как «актер», «маска», «сцена», «сценарий». Эта позиция основана на мысли, что человек не подчиняется законам и нормам природы, как все остальные «нормальные» живые существа. Разработкой этого направления занимались представители так называемого социодраматического подхода (К. Берк, И. Гофман, Х. Данкен) (www.examen.ru/db/ExamineBase/catdoc_id/CF5B2218D07_30475C3256A19003C274A/rootid/BCD8A_4FC42508700C3256A39005E8AE6/default.html).

Кроме того, очень распространена точка зрения, по которой познание человека невозможно по той причине, что нельзя познать самого себя. Благодаря исключитель-

ному качеству – сознанию – некоей точки опоры, человек способен познавать природу, так как он выделен из нее, он «видит ее со стороны». Будучи же погруженным в культуру, мысли, переживания, в опыт, он не может «отстраниться» от культуры, в ней он не имеет точек опоры и не может вытащить себя за волосы из болота, подобно Мюнхгаузену.

Впрочем, есть и мнение, что не только невозможно познание человеческого человеком, но и невозможно познания природы. Человек не может объективироваться даже от такой большой системы, что видно в его макровосприятии природы. Однако, по-моему, естественные науки доказывают именно обратное.

Еще один вариант познания гуманитарного предлагает Клиффорд Гиртц, видный антрополог-символист. Культура в понимании Гирца – это «стратифицированная иерархия значимых структур; она состоит из действий, символов и знаков» (Geertz 1973: 5). Анализ культуры, то есть этнографическое описание, сделанное антропологами, – это интерпретация интерпретации, «подмигивание по поводу подмигивания», вторичная интерпретация мира, который уже постоянно описывается и интерпретируется людьми, которые его создают». Существование культуры – это процесс ее интерпретации, быть носителем культуры – означает ее интерпретировать.

«Двухмерные» и «трехмерные» науки

Если строить визуальную модель познания естественных и гуманитарных наук, то познание в естественных науках будет выглядеть как плоскость, на которой расположены точки. Двухмерность обеспечивается высоким уровнем консенсуса, то есть однозначностью объяснения. Точки – факты, явления, а также термины, в которых эти факты и явления описываются. Ученые, апеллирующие к одному и тому же понятию, всегда оказываются в одной точке – в координатах этого понятия. Поэтому споры естественников о терминах или понятиях происходят только на этапе быстро развивающейся науки. Открытия, теории, знания, эксперименты естественников основываются (покоятся) на точках в плоскости (т.е. существующей на данный момент парадигмы). Поэтому новые открытия, теории и знания легко входят в существующую парадигму (плоскость), которая существует, пока в состоянии описывать точки (все факты,

Признавая, вместе с Максом Вебером, что человек является существом, обвешанным паутиной значений, которую он сам сплел, он рассматривает культуру как эту паутину, и анализ ее поэтому должен осуществляться не экспериментальной наукой, исследующей общие закономерности, а методом интерпретации исследуемых значений (<http://ethnopsychology.narod.ru/study/culture/geertz.htm>).

Термин «интерпретация» имеет еще одно значение. В этом втором значении его можно использовать в паре с понятием «объяснение».

В науке факты, явления, феномены, законы природы *объясняются*, то есть получают однозначную, консенсусную в рамках одной парадигмы оценку благодаря:

- отстранению от объекта, в отсутствие рефлексии, внеположенности объекта исследования;
- наличию эксперимента, то есть верифицируемости;
- визуальному обнаружению исследуемых феноменов.

Понятие «объяснение» полностью подходит естественнонаучной практике. В противоположность ему, «объяснение» лишено перечисленных характеристик. Поэтому факты, явления *интерпретируются*, то есть порождают теоретически бесконечное число мнений. На мой взгляд, в этом – главная трудность познания объектов внутри культуры.

входящие в юрисдикцию этой парадигмы) в двухмерном пространстве.

По сути дела, когда мы говорим: «на единых, общих основаниях», мы говорим – в двухмерном пространстве, в двухмерном контексте.

В отличие от модели познания естественных наук, модель гуманитарных наук трехмерна. Ее можно представить, например, в виде сферы. Если на нее смотреть сверху, то покажется, что точка понятия, например, «культура», одна, как у естественников. Но третья координата («глубина») у разных исследователей никогда не совпадает. Мы увидим, что понятие «культура», выглядящее как «точка» в двухмерном пространстве, множится в бесконечном количестве точек трехмерного восприятия. Графическая «множественность точки» отражает множество интерпретаций этой точки (явления, факта и, соответственно, термина, в котором явление или факт описывается). Когда иссле-

дователь формирует логические связи между понятиями («связывает точки»), то есть строит теорию, получается своеобразная трехмерная фигура, включающая в себя разные точки с разных «глубин» (третьей оси). Так как интерпретаций столько же, сколько исследователей, «третья координата» никогда не совпадает, и «фигуры» теорий могут лишь частично пересекаться.

От «трехмерности» к «двухмерности». Остранение

Стремление многих ученых «уточнить» гуманитарные науки вполне рационально и понятно. Уже традиционно с повышением точности научного знания связывалась и связывается его большая объективность, адекватность реальности. Применительно к гуманитарному знанию это означает его приближение к идеалу научности, который традиционен в строгих теоретических построениях, например, математической физики. Поэтому не случайно само понятие точности в науках часто отождествлялось с применением количественных математических методов. Эта идея получила широкое распространение. Расхожими стали утверждения, что наука в той мере становится наукой, в какой в нее проникает математика.

Реальным инвариантным ядром генеративизма Хомского является, прежде всего, так называемый методологический монизм, т.е. требование, в соответствии с которым объяснение во всех науках должно быть построено одинаково – по образцу естественных наук. В соответствии с этим постулатом, для деятельности хомскианцев характерна точность, строгость исследования и применения методов, активная математизация и построение формальных моделей (http://www.archipelag.ru/index/biography_chomsky/). Еще раньше, Л.Ельмслев стремился строить лингвистику как науку, независимую от других наук, кроме математики.

Некоторые шаги в этом направлении были сделаны дескриптивистами. Особенно сильно дескриптивистов был отказ от использования интуиции. Это было скорее вызвано не теоретическими познавательными установками, а практикой. Индейские языки, которые изучались дескриптивистами, представляли перед исследователем как некие достойные удивления, интуитивно не постигаемые и требующие изучения, подобного тем объектам, с которыми имеют дело естественные науки. Интуиция, покоящаяся на опыте ученого, часто подсказывала ему неудачные решения, то есть происходило «на-

Парадигма не может образоваться, потому что все «видят с разных глубин».

Таким образом, интерпретация – непреодолимая преграда на пути «двухмерного» познания в гуманитарной сфере. Обратить интерпретацию в объяснение – значит придать гуманитарным наукам свойства естественных. Некоторые научные школы настаивают на необходимости последнего.

тягивание» привычных категорий на сопротивляющийся этому эмпирический материал. Поэтому на первый план выдвинулась идея построения универсального метода «открытия» грамматики изучаемого языка – при том, что сама эта грамматика может быть сколь угодно неэкзотической. Наиболее последовательно такой подход сформулировали дескриптивисты второго поколения, особенно З.Хэррис, который последовательно исходил из позиции внешнего наблюдателя над речью, не понимающего ее смысл.

Этот принцип искусственной объективизации был сознательно применен в искусстве и получил название «остранение». Шкловский писал в «Теории прозы»: «Приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен. Прием остранения у Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную, а случай как в первый раз происшедший» (<http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le8/le8-3471.htm>).

Из психологического словаря мы узнаем, что «остранение – выделение того или иного предмета или явления из привычного контекста, чтобы отнести к нему как к новому, увидеть в нем новые свойства» (<http://psi.webzone.ru/st/044900.htm>).

Б. Брехт определял данный эффект следующим образом: «вещь... из привычной, известной... превращается в особенную, бросающуюся в глаза, неожиданную. Само собой разумеющееся становится непонятным, но это делается лишь для того, чтобы оно стало более понятным» (www.philology.ru/literature1/tulchinckiy-80.htm).

Единственным, на мой взгляд, способом остранить объект (хотя слово «объект» в гуманитарной сфере некорректно, так как исследователь – часть объекта), это математизировать его – перевести в цифры. Цифры

предельно бесстрастны, а, значит, предельно объективизированы. Относительно них как абстрактных символов не может быть никаких интерпретаций – только объяснение.

Поэтому невероятно важно, чтобы обращение, кодирование, зашифровка знаковых символов как элементов знакомой культуры в цифры было подчинено одним законам для всех исследователей. Математизация имеет смысл только тогда, когда охватывает все выборки в одном контексте, делая вопрос терминов второстепенным, который решается сам собой уже в двухмерном, плоскостном, однозначном восприятии. Кстати, использование в исследовании выборок – это единственный путь превращения культурных символов в цифры. Это очень важный методологический объект.

Обратная дешифровка – из цифр в значения – еще одна ловушка. Мы опять возвращаемся к интерпретациям. Но это уже интерпретация на совершенно другом уровне, интерпретация на основе закономерностей, заключенных в отношениях множеств. В дискурсе исследователи будут отталкиваться от одного уровня, от одного контекста.

Итак, алгоритмами гуманитарного исследова-

ния, перехода к двухмерности, по моему мнению, должны быть:

- создание выборки (граница между научностью и околонучностью);
- остранение (зашифровка ее составляющих в символы путем математизации, а не интерпретация);
- обработка зашифрованных символов выборки математическими методами;
- интерпретация.

На мой взгляд, это обязательные составляющие любого практического научного исследования в гуманитарной сфере.

В этой работе была сделана попытка анализа специфики гуманитарного знания «сверху» – исходя из классификаций наук, и динамических моделей развития знаний, предложенных американскими исследователями, и «изнутри» – с помощью верификации предложенных моделей относительно их адекватности гуманитарным наукам, а также с помощью построения «двухмерной-трехмерной» модели естественных и гуманитарных наук. Таким образом, была выдвинута новая модель, описывающая, на мой взгляд, ключевые различия между естественными и гуманитарными науками. Была сделана попытка переосмысления значения методологического инструментария в гуманитарных науках.

Литература

- Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). 1976. М.: «Советская Энциклопедия»
- Буровский А. М. 1998. Постнеклассическая парадигма и гуманитарные науки
- Келле Ж. 1988. «Точное и неточное в социально-гуманитарном знании» // Философия Науки, вып. 4, М. стр. 154-155
- Кун Т. 1975. Структура научных революций. М.: Прогресс
- Лакатос И. Методология программ научных исследований // <http://www.5ka.ru/90/20716/1.html>
- Лотман Ю.М. 1992, Культура и взрыв. М., Гнозис // Цит. по: А.М. Буровский/Постнеклассическая парадигма и гуманитарные науки/ <http://arctogaia.krasu.ru/laboratory/p2/burovsky.shtml>
- Риккерт Г. 1995. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. Юрист.
- Смирнов В. А. «Вопросы философии», стр. 26 //цит. по Философия Науки, вып. 4, 1998, М.
- Сокулер З. А. 1988. «Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко», стр. 167-177 // Философия Науки, вып. 4, М.
- Osborne Th., Rose N. 1999. Do the social sciences create phenomena?: the example of public opinion research // British Journal of Sociology Vol. 50 No. 3, September 1999, pp. 367-396
- Collins R. 1994. Why the social sciences won't become high-consensus, rapid-discovery sciences // Sociological Forum 9 (2), p. 155-77.
- Geertz Cl. 1973. Interpretation of Culture. New York: Basic Books.
- Hacking. 1983. Representing and Intervening: introductory topics in the philosophy of natural science, Cambridge: Cambridge University Press. <http://ethnopsychology.narod.ru/study/culture/geertz.htm> <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-3471.htm> <http://psi.webzone.ru/st/044900.htm>
- Ильин В. Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма) // <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/uchebnik/intro.htm> <http://www.krugosvet.ru/articles/85/1008588/1008588a1.htm>
- www.examen.ru/db/ExamineBase/catdoc_id/CF5B2218D0730475C3256A19003C274A/rootid/BCD8A4FC42508700C3256A39005E8AE6/defacto.html
- www.philology.ru/literature1/tulchinkey-80.htm